УДК-341.24

Владимир ШВЕЙЦЕР

СССР И ГЕРМАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 1920 – 1930-Х ГОДОВ

Статья поступила в редакцию 03.08.2020

Аннотация. Статья посвящена советско-германским отношениям 1920-х – конца 1930-х гг. Автор рассматривает вопросы, органически вписывающиеся в общий контекст европейской ситуации межвоенного периода. Исследуются важнейшие нормативные акты тех лет – Версальский договор, Локарнские и Рапалльские соглашения. Проанализировано влияние стержневого документа гитлеризма – *Mein Kampf*¹, его влияние на формирование и развитие внешнеполитических доктрин нацистской Германии. Оценена позиция Советского Союза в отношении Веймарской республики до и после прихода в 1933 г. к власти национал-социалистов. Ответом на усиление реваншистских тенденций решения проблем, порожденных Версалем, стал поиск СССР оптимальных вариантов создания в Европе системы коллективной безопасности. Особое внимание уделено начальному этапу агрессивного курса Гитлера – присоединению Саара, милитаризации Рейнской области, аншлюсу Австрии. Проявленная в этих вопросах соглашательская политика ведущих европейских держав нашли свое отражение в «Мюнхенском сговоре» сентября 1938 г., открывшем путь реализации Гитлером его захватнических замыслов.

Ключевые слова: СССР, Германия, Версальский Договор, Мюнхенские соглашения, Лига наций.

Юбилейные даты Всемирной истории всегда дают повод для оценки событий прошлого, тем более, когда речь идет о столь недалёкой от нас по времени трагедии Второй мировой войны. В 2019 г. исполнилось 80 лет со дня её начала, в нынешнем мы отметили 75 лет со дня Победы над германским нацизмом. В грядущем 2021 г. нельзя будет не вспомнить о 22 июня 1941 г., когда советский народ встал на защи-

¹ Книга включена в Федеральный список экстремистских материалов
<https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 10.11.2020)

ту своей Родины, открыв путь к свободе других поработанных нацизмом народов Старого Света.

Вполне естественно напомнить в связи с этими историческими датами о причинах, толкнувших тогда мир к катастрофе глобального масштаба. Дать объективную оценку и инициаторам Второй мировой войны, и тем, кто пытался предотвратить эту трагедию, и оказавшимся по тем или иным причинам вне реального участия в деле сопротивления гитлеризму. К сожалению, западные политические лидеры ныне нередко вспоминают о Второй мировой войне в негативном для Советского Союза контексте. Прежде всего нас обвиняют в сговоре с Гитлером ради дележа Европы. Наглядный пример такой исторической недобросовестности – резолюция, принятая Европейским парламентом 19 сентября 2019 г. по инициативе польских членов фракции «Европейские консерваторы и реформисты», пафосно названная «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы»¹. В антироссийском ключе выдержаны высказывания лидеров современной Польши, обвиняющих СССР в сознательном уничтожении польского государства осенью 1939 г. На волне очевидной русофобии некоторые европейские политики склонны всячески умалять героическую роль Красной армии в освобождении оккупированных нацистами европейских стран.

Оставить без ответа эти противоречащие фактам недавнего прошлого домыслы и фальсификации было бы неразумно как с исторической, так и с нравственной точек зрения. Это в том числе и стало причиной появления статьи В. Путина «75 Лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» [Путин, 2020]. Президент России дает в своей статье правомерные оценки событиям межвоенного периода, полемизируя с ошибочными либо умышленно неверными трактовками острых проблем недавнего прошлого. При этом он руководствуется проверенными данными из различных архивных фондов. Путин призывает к «спокойному, открытому, доверительному диалогу, к самокритичному, непредвзятому взгляду на общее прошлое» [Путин, 2020: 13]. В этом контексте важен и другой вывод, касающийся Второй мировой войны: «Все ведущие страны в той или иной степени несут свою долю вины за ее начало. Каждая совершала непоправимые ошибки, самонадеянно полагая, что можно обхитрить других, обеспечить себе односторонние преимущества или остаться в стороне от надвигающейся мировой беды» [Путин, 2020: 13]. Чрезвычайно важным представляется и такой посыл президента: «Поиском взвешенных оценок прошедших событий должна заниматься академическая наука с широким представительством авторитетных ученых из разных стран» [Путин, 2020: 13].

От Версаля 1919 года к Берлину 1933 года

Межвоенные взаимоотношения СССР и Германии неотделимы от событий конца Первой мировой войны. Оказавшись в 1914–1918 гг. по разные стороны баррикад, обе страны стали для держав-победительниц изгоями в новой сложившейся ситуации. Для Антанты Советская Россия была неприемлема прежде всего тем, что Октябрь 1917 г. вывел страну из традиционной для Европы системы социально-

¹ European Parliament Resolution of 19 September 2019 2019/2819 RSP

экономических, внутривнутриполитических и идеологических стандартов. Заключённый в марте 1918 г. с Германией Брестский мир был расценен как удар в спину коалиции, возглавляемой Англией и Францией. Ноябрьская революция в Германии в 1918 г. выглядела для союзников менее трагическим, чем её русский аналог, событием. Однако наказание своего главного военно-политического противника было неотвратимо, что и произошло в июне 1919 г. в Версале, а 6 лет спустя – в Локарно. Помимо чудовищных репараций, Германия лишилась колониальных владений, была резко ограничена в выборе средств обороны. Весьма чувствительными были и территориальные потери в пользу Франции, Бельгии, Польши, Литвы. Особую роль «версальцы» отводили Польше. С одной стороны, она стала своего рода надзирателем восточных германских границ, а с другой – блокировала коммунистические поползновения Советской России, иллюзорно рассчитывавшей на продолжении пролетарской революции как минимум в Центральной Европе. Уже в 1920 г. Польша доказала своим благодетелям, что с возложенной на нее важной исторической функцией она вполне может справиться: поход Тухачевского на Варшаву окончился, как известно, первым крупным поражением Красной армии.

Начало двадцатых годов стало временем сближения СССР и Германии. Не только их друзьями, но даже добросовестными партнерами в сложившейся ситуации не могли быть страны бывшей Антанты. Ни Германия, ни Россия не вызывали у них по вышеизложенным причинам никакого доверия, поэтому вполне естественным стало подписание в апреле 1922 г. вне рамок Генуэзской конференции так называемого Рапалльского соглашения, выведившего обе страны из режима изоляции. И РСФСР, и Германия отказались от взаимных претензий прежде всего по вопросам собственности. Были установлены дипломатические и торговые отношения. Заметим, что в 1926 и 1931 гг. Рапалло было дополнено рядом важных договорных соглашений, одним из элементов которых был пункт о нейтралитете в случае, если одна из сторон «вопреки своему мирному поведению» будет вовлечена в конфликт с третьей державой или группой третьих держав [Дипломатический словарь, 1950: 698].

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов СССР пытался использовать любую возможность для участия в системе сдержек и противовесов, дабы избежать нового общекионтинентального военного конфликта. Именно в таком ключе следует рассматривать участие делегаций нашей страны в крупных международных форумах: Международной экономической конференции (Женева, апрель 1927 г.) и состоявшейся в том же году IV сессии подготовительной комиссии к конференции по разоружению. В проекте резолюции женеvской конференции констатировалась важность перехода от конфронтации к мирному сосуществованию капиталистической и социалистической систем. На IV сессии советская делегация внесла от имени правительства СССР проект всеобщего полного и немедленного разоружения. Формат предложений в духе мирного сосуществования распространялся и на взаимоотношения с соседними европейскими государствами. Здесь безусловно прорывным стал 1932 г., когда были подписаны договоры о ненападении и нейтралитете с Францией, Польшей, Финляндией, Латвией и Эстонией. С учетом уже достигнутых договоренностей подобного рода с Германией можно было бы рассчитывать на реальное формирование в Европе системы коллективной безопасности.

Однако в самой Германии сформировалась и активно продвигалась во власть альтернативная миролюбивым европейским тенденциям сила. Не было ничего уди-

вительного в том, что в этой стране, лишенной многих суверенных прав, активизировались националистические и реваншистские силы, главным выразителем интересов которых стала Национал-социалистическая рабочая партия Германии. В апреле 1920 г. эта партия опубликовала программный документ «25 пунктов». Именно с этого года можно начать историю гитлеризма. Тем более что Адольф Гитлер вместе с А. Дрекслером и Г. Федером был составителем этого документа. В нем четко указывалось на необходимость отмены Версальского договора, на объединение всех немецкоязычных европейцев и предоставление им новых территорий для развития немецкой нации. Многие пункты программы националистов носили ярко выраженный расистский и антисемитский характер. В социальной части «25 пунктов» эклектически смешивались как требования, обращённые к пролетариату, так и апелляция к мелкой и средней буржуазии без акцентированной критики крупного немецкого капитала [Черкасов, 2006: 42–43].

«25 пунктов» были своего рода заявкой на национал-социалистическое видение Европы и мира. Появившаяся в 1924 г. в период пребывания Гитлера и его сподвижников в тюрьме после так называемого пивного путча в Мюнхене книги «Моя борьба» (*Mein Kampf*) стала на последующие два десятилетия «евангелием нацизма». В своей работе Гитлер выдвинул стержневую идею нацизма – завоевание жизненного пространства, которое должно зиждиться не на колониальных приобретениях, свойственных геополитике кайзеровских времен и торговой экспансии, а на получении жизненного пространства для немцев непосредственно в Старом Свете. «Единственная для Германии возможность здоровой территориальной политики заключается в приобретении новых земель в самой Европе». Гитлер призывал немцев искать новые территории, создавать для себя жизненное пространство в восточной части Европы «в первую очередь в России и в тех окраинных государствах, которые ей подчинены» [История дипломатии, т. 3, 1945: 460].

Главным противником Германии в Европе Гитлер называл Францию. Необходимо, прежде всего, «уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе». Следует перейти от «пассивной защиты» в отношениях с этим государством к окончательному «активному расчёту» с французами: «первым делом следует отобрать у них Эльзас». Тем самым можно будет «обеспечить немецкому народу возможность дальнейшей экспансии». Считая Францию главной виновницей версальского диктата, основным военным противником Германии, Гитлер полагал, что именно Россия станет тем геополитическим резервуаром, из которого возникнет новая Германия. «Гигантское государство на Востоке созрело для развала, мы избранны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая принесет решающее подтверждение правильности расовой теории». Однако в одиночку Германия с задачей не справится. Для этого нужно найти союзников, с которыми можно будет одолеть «восточного монстра», ибо коалиция, целью которой не является война, не имеет ни цены, ни смысла» [Безыменский, 1972: 16].

В последовавшие до прихода к власти годы Гитлер неоднократно возвращался к темам, поднятым в «Моей борьбе». Так, летом 1932 г., за несколько месяцев до победных для него выборов в Рейхстаг будущий фюрер в беседе с единомышленником Г. Раушнинггом развивал свою геополитическую стратегию. «Мы никогда не добьемся мирового господства, если в целях нашего развития не будет создано мощное, твердое как сталь ядро из 80 или 100 миллионов немцев» [История дипло-

матии, 1945: 461]. В этом ядре, помимо самой Германии, Гитлеру виделись Австрия, Чехословакия, часть Польши. Вокруг немецкого ядра должны были сгруппироваться вассальные государства Прибалтики, Финляндия, Венгрия, Сербия, Хорватия, Румыния, Украина, ряд территорий, входивших в СССР [История дипломатии, 1945: 462].

В своих откровениях конца 20-х – начала 30-х годов Гитлер неоднократно возвращался к теме союзников по «Моей борьбе». Йозеф Геббельс, разделявший с Гитлером камеру в тюрьме, вспоминал об одном из высказываний будущего фюрера: «Италия и Англия – наши естественные союзники» [Безыменский, 1972: 25]. «Их объединяет с Германией антибольшевизм. Наша задача – уничтожить большевизм. Большевизм – дело европейское. Мы должны стать властителями России» [Безыменский, 1972: 25].

Тема «дружбы против большевизма» была, пожалуй, главной задачей, ставившейся Гитлером в предвластный период его деятельности. Тезис, высказанный им в «Моей борьбе», согласно которому ключевой проблемой внутренней политики после прихода к власти будет «выковывание меча», а внешней – поиск «товарищей по оружию», стал обретать свою плоть уже в конце двадцатых годов. Так, в 1928 г. эмиссар Гитлера, некто К. Людеке, по его просьбе посетил Рим, дабы заручиться у Муссолини поддержкой в случае возможного нацистского переворота в Германии. Вспоминая о своих разговорах с Гитлером, К. Людеке отмечал, что Муссолини, по мнению Гитлера, был заинтересован в фашизации Германии не в последнюю очередь из-за антибританских настроений дуче. Роль Англии в геополитическом раскладе сил на рубеже 1920-х – 1930-х гг. Гитлер видел в двух аспектах. Он не отрицал, что Версальский договор был во многом делом рук Лондона. Однако последний был настроен антисоветски, что объективно сближало нацистов с правящей верхушкой Британии. В геополитические амбиции Гитлера также входило использование венгерских фашистов против несимпатичных ему чехов и румын, а тогдашнего диктатора Испании Primo Де Риверу — как сдерживающую силу против Франции.

Для реализации своей нацистской геополитики Гитлеру не хватало лишь прихода к власти. Это печальное историческое событие свершилось после электоральной победы национал-социалистов в декабре 1932 г. и передачи президентом Германии Гинденбургом 30 января 1933 г. полномочий канцлера лидеру нацистской партии.

На пути к Мюнхенскому сговору

Приход к власти германских национал-социалистов стал в известной степени неожиданностью для политического бомонда Европы. Лидеры Великобритании и Франции были уверены, что, как и на парламентских выборах прошлых лет, победителями станут буржуазные партии Германии либо социал-демократы. Руководство СССР верило в успех немецких коммунистов, лидер которых Эрнст Тельман в своих речах на конгрессах Коминтерна уверял, что рабочий класс Германии не допустит установления в стране нацистского режима. Сталин и его окружение не воспринимали всерьез возможность установления в Германии нацистской власти. Когда же это произошло, то вскоре стало ясно, – дух Рапалло безвозвратно улетучился и следует искать пути для сохранения относительно мирного климата в Ев-

ропе. Тем более, что Гитлер в своих откровениях не оставлял сомнений: антибольшевизм станет альфой и омегой его политики.

Уже в новогоднем выступлении 1933 г. на страницах нацистской прессы, ещё не став рейхсканцлером, Гитлер заявил о своем желании уничтожить как марксизм, так и «исполинскую опасность большевизма». Версальский договор, по его словам, являлся несчастьем не только для Германии, но и для других народов. По его мнению, пересмотра документов 1919 г. должны были требовать не только немцы, но и весь мир. Он впервые высказался благожелательно в адрес Франции, если последняя предложит пересмотреть договоры Версаля и Локарно. Англии и США он обещал оплатить немецкие долги и намекнул на возможность разоружения в глобальном масштабе. Нацисты не скупилась на заявления о «новом партнерстве» с этими странами. Даже неприемлемый для него большевизм он рассматривал прежде всего не как государственную политику СССР, а как внутригерманское явление. Впрочем, после спровоцированного Гитлером поджога Рейхстага и запрета КПГ тема коммунистической опасности вновь стала проецироваться на Коминтерн и Советский Союз.

Явные антисоветские и антикоммунистические эскапады Гитлера четко определили границу между прежним, рапальским периодом отношений двух стран и новым конфронтационным форматом этих отношений. Советское руководство сделало в принципиально новой обстановке упор на международно-правовое оформление отпора агрессии, главным экспонентом которой становится гитлеровская Германия. В позитивном ключе решился вопрос о вступлении СССР в Лигу Наций, к деятельности которой с момента основания этого, по идее, важного форума мировой политики у Советского Союза было весьма скептическое отношение. Заметим, что Германия уже осенью 1933 г. покинула Лигу, а СССР год спустя стал её полноправным членом. В последующем представители Советского Союза в Лиге Наций активно использовали её трибуну не только для критики любых действий, несовместимых с принципами мирного существования. Они выдвигали инициативы, способные хотя бы частично разрядить европейскую ситуацию, становившуюся после прихода Гитлера к власти все более взрывоопасной. СССР использовал и другие форумы для артикуляции своих предложений, направленных на создание преград возможному агрессору. Так, в феврале 1933 г. были обнародованы советские предложения по определению агрессора в рамках уже упоминавшейся международной конференции по разоружению. Смысл этой инициативы заключался в том, чтобы подвести международные правовые нормы под возможные действия предполагаемого агрессора. На обсуждение конференции выдвигались 5 пунктов, касавшихся вероятных острых конфликтных ситуаций. В порядке приоритетов здесь назывались: объявление войны другому государству; вторжение собственных вооруженных сил без объявления войны на территорию другого государства; нападение вооруженных сил на морские либо воздушные пространства другого государства, его морскую блокаду, поддержку вооруженных банд, вторгшихся на его территорию [История дипломатии, 1945: 467, 468].

В дискуссии вокруг советских предложений, а также контрпредложения главы британской делегации Макдональда, выяснилось, что камнем преткновения является возможность для стран участников конференции иметь армии определенной численности. Консенсуса достичь не удалось, но СССР продолжал свои усилия в рамках создания системы коллективной безопасности в Европе, исходя из грядущей

го вступления страны в Лигу Наций. Предполагалось, что группа стран восточно-европейского региона, которым потенциально могла угрожать Германия, создали бы своего рода зону безопасности при обязательном участии в ней Франции и Польши. Однако этот вариант не устроил Францию, которая видела Германию одним из участников такой системы безопасности. В результате возник исторически абсолютно нежизнеспособный «Пакт согласия и сотрудничества» (Великобритания, Германия, Франция и Италия), подписанный в 1933 г. в Риме. При этом Гитлер подчеркивал, что, пойдя на такие соглашения, он вправе ожидать от партнеров ликвидации версальских ограничений для Германии в сфере вооружений. Безусловной удачей гитлеровской дипломатии стало подписание в январе 1934 г. совместной германско-польской «Декларации о необращении к силе», фактически сводившей на нет имевшиеся тогда варианты системы коллективной безопасности. Целью подобных шагов было недопущение СССР в число участников такой системы. Стремясь вбить клин в ряды своих противников, Гитлер на словах был не против оборонительного союза Франции и Англии. «Я нисколько не возражаю против такого союза, так как не намерен нападать на своих соседей» [История дипломатии, 1945: 483]. Фюрер был последователен в главном – требовании к Западу об отказе от Версальских и Локарнских соглашений. В число его претензий постоянно входила передача Германии Саара, полный немецкий суверенитет в Рейнской области, увеличение численности вермахта и оснащение его современными видами вооружений.

1935 г. стал важной вехой в противоборстве различных направлений европейской политики. В январе в обход всех международных правовых норм Гитлер организовал в Сааре плебисцит, по итогам которого был установлен полный контроль Германии над саарским угольным бассейном. В следующем месяце была значительно увеличена численность вермахта. Эти события в определенной степени стимулировали Францию к поиску противовеса очевидному натиску Германии. В мае был подписан советско-французский договор, предполагавший некоторые меры по отражению возможной агрессии. В том же месяце весьма схожий по содержанию документ подписала с СССР Чехословакия, которая реально ощущала экспансионистские планы Гитлера в отношении Судетской области. Заметим, что Великобритания считала сближение обеих стран с СССР несвоевременным, якобы дававшим лишние козыри в руки нацистской Германии. Между тем данные договоры не предполагали конкретного рамочного соглашения по военному сотрудничеству трех государств, что в критической ситуации осени 1938 г. сделало их малоэффективными.

И все же эти соглашения означали определенную подвижку в общественных настроениях Европы. Уже летом того же года на седьмом конгрессе Коминтерна была впервые зафиксирована в специальной резолюции идея сотрудничества коммунистов и социал-демократов, отмечена грань между буржуазно-демократическими и фашистскими режимами. В практическую деятельность компартии была введена концепция Народного фронта, которая уже в следующем, 1936 г. реализовалась во Франции и Испании. Однако объединялись и силы профашистской ориентации. В октябре 1936 г. состоялось длительное время подготавливаемое оформление германо-итальянского союза (ось Берлин-Рим). Менее чем через месяц Германия и Япония подписали так называемый антикоминтерновский пакт. В обоих случаях союзниками Гитлера становились страны, начинавшие агрессивные войны против соответственно Абиссинии и Китая. Прямое военное про-

тивоборство началось в Испании, где у власти находилось правительство Народно-го фронта. После мятежа генерала Франко последнему была оказана прямая военная помощь как Италией, так и Германией. Республиканцы получили активную поддержку со стороны СССР. В этой ситуации Великобритания и Франция предложили бесполезную миротворческую инициативу. Вовлеченным в конфликт Германии, Италии, Португалии и СССР следовало придерживаться «политики невмешательства». Однако кроме нашей страны, этот призыв никто из косвенных участников испанских событий не поддержал [Никонов, 2014: 598]. Забегая вперед, скажем, что победа франкистов в гражданской войне стала важным подспорьем для Гитлера, апробацией совместных действий европейского фашизма. Существенной предпосылкой начала агрессивных действий Германии в Европе явился ввод немецких войск в демилитаризованную рейнскую зону – прямое нарушение Локарнских соглашений. Это событие, состоявшееся в марте 1935 г., органически вписалось в гитлеровскую геополитику. В военно-стратегическом отношении ввод германских войск означал переход Гитлера к реальной конфронтации с западными державами, к открытому перевооружению Германии при полном попустительстве стран-гарантов Версальских и Локарнских соглашений. От того, какой будет реакция Великобритании и Франции, во многом зависела дальнейшая тактика нацистов. Впрочем, как и в случае с Сааром, она была вполне предсказуемой – формальные осуждения «рейнской авантюры» и абсолютная неготовность предпринять какие-либо практические шаги против агрессивных действий Гитлера. Что касается Советского Союза, то он, как это следовало из речи тогдашнего наркома иностранных дел М.М. Литвинова на заседании совета Лиги Наций 17. 3. 1936 г., реально видел и тактические, и стратегические цели данной авантюры. Для СССР, говорил Литвинов, было ясно, что, хотя ближайшей задачей совершенного в рейнской зоне является подготовка агрессии против соседних государств, однако Советский Союз остаётся главным объектом его перспективных агрессивных действий [История дипломатии, 1945: 562].

Оккупация Саара и¹ милитаризация Рейнской зоны стали важной составной частью нацистской стратегии создания в Европе «немецкого жизненного пространства». Не встретив никакого реального сопротивления со стороны Запада, Гитлер мог приступить к реализации своей важнейшей геополитической задачи – приращения Германии территориями соседних стран с немецкоязычным населением. И первой на очереди была Австрия.

С одной стороны путь к аншлюсу не представлялся сложным, поскольку уже к середине тридцатых годов в этом осколке некогда могучей Габсбургской империи общественные настроения благоприятствовали нацистским планам. Демократическая система была окончательно разрушена после шуцбундовского восстания февраля 1934 г., запрета социал-демократической, а ранее (1933 г.) – коммунистической партии; парламент был распущен. Экономика страны влачила жалкое существование, в финансовой сфере господствовали немецкие банки. С другой стороны, австрофашистский венский режим ориентировался на Италию. Однако до поры до времени было неясно, как поведут себя европейские великие державы, – Великобритания и Франция.

¹ 1938. Der «Anschluss» im internationalen context, p.391.

Но на практике все оказалось гораздо проще. Массивная проаншлюсовская пропаганда, резкая активизация австрийских нацистов, согласие Муссолини на присоединение соседней Австрии к Третьему рейху, готовность Запада не вмешиваться в «чисто немецкий вопрос» – всё это предопределило события 11–12 марта 1938 г. Ввод немецких войск на территорию Австрии, включение в её правительство местных нацистов, пассивность и раздробленность тех, кто не был согласен с аншлюсом, решили исход дела.

Действуя по саарскому сценарию, Гитлер оформил свой агрессивный шаг через референдум, на этот раз общегерманский, где 99% его участников поддержали новое приобретение Третьего рейха. В этой ситуации не только Запад, но и СССР не имели бесспорных аргументов для квалификации Гитлера как агрессора. Призыв СССР к созыву международной конференции для недопущения дальнейших агрессивных поползновений нацистов не дал никакого результата. Все с тревогой ожидали новых шагов в реализации Гитлером планов объединения европейских земель со значительным немецкоязычным населением. Здесь первой значилась Судетская область Чехословакии.

Апофеоз «умиротворения»

Тема судето-немецкого меньшинства в Чехословакии была достаточно четко прописана в нацистской пропаганде. В отличие от тем Саара и Рейнской области, она даже чисто внешне никак не выглядела корректным исправлением несправедливости, порождённой Версальскими соглашениями. Аншлюс также не вписывался в «судетский вариант», ибо в данном случае речь шла о требовании передачи Германии части другого государства. Тем более нацистам было очевидно, что референдарный вариант общечехословацкого голосования по данному вопросу не даст искомого результата. Сложность состояла и в том, что Чехословакия имела определенные договорные отношения с некоторыми близлежащими государствами (Франция, СССР) и могла в случае необходимости обратиться к ним за помощью. Общеευропейская война тогда еще не входила в планы Гитлера. Тем более что потенциальный противник был хорошо вооружен и не сдался бы на милость исторически неприятной ему Германии.

В раскладе сил по теме Судет особую роль играла Великобритания. Здесь у советского руководства не было никаких иллюзий. Еще в конце февраля 1938 г. полпред СССР во Франции Я.З. Суриц писал наркоминделу М.М. Литвинову: «Никто даже не сомневается, что Чемберлен (тогдашний премьер-министр Великобритании) предаст Чехословакию. Ожидают, что он усилит давление на Чехословакию, чтобы она пошла «по австрийскому пути» [Белые пятна, 2010: 129]. Позиция Франции была иной. Она не возражала оказать помощь чехам, однако только в том случае, если определенные действия предпримет и СССР. Москва, со своей стороны, не отрекалась от взятых на себя согласно договорам с Чехословакией (1935 г.) обязательств, однако не предполагала пойти в конкретной ситуации на вооруженный конфликт с Германией. В данном случае использовался аргумент об отсутствии у СССР общей с Чехословакией границы. В советском руководстве не было единого мнения относительно некоторых превентивных мер, которые показали бы Гитлеру пределы его античешских поползновений. В частности, М.М. Литвинов предлагал

Кремлю рассмотреть вопрос о частичной мобилизации. Но Сталин не поддержал наркома, считая такие действия преждевременными, а сложившуюся вокруг Чехословакии ситуацию недостаточно определенной. В конечном итоге возникло предложение созвать «конференцию трёх» (СССР, Франции и Англии) для выработки позиции по судетскому кризису, оставшееся, впрочем, без ответа.

В условиях, когда Гитлер реально угрожал прибегнуть в отношении неуступчивого соседа к военной силе, Франция солидаризировалась с Великобританией и 19 сентября 1938 чехам было направлено послание, рекомендовавшее передать Германии ту часть Судет, где немецкое население составляло абсолютное большинство. Взамен обе великие державы обязались добиваться от Германии установления новых границ с Чехословакией под строгим международным контролем. Составной частью данного «нового порядка» был также отказ Праги от договоров о взаимной помощи между Чехословакией, Францией и СССР. Через два дня, 21 сентября, Чехословакия, вначале отклонившая англо-французский вариант, под давлением Лондона и Парижа всё же его приняла. Однако уже на следующий день Гитлер заявил, что новая граница будет создана без всякого контроля извне, а эвакуация чешского населения из принадлежащих Германии районов должна быть осуществлена в недельный срок.

Свою негативную роль в судетском кризисе сыграла и Польша. Она подняла вопрос о польском меньшинстве в Тешинской Силезии. Причём, если вначале речь шла только о создании автономной области, то потом градус польских требований поднялся до полной передачи этого района Польше. В дальнейшем так и произошло. Весной 1939 г. Германия оккупировала Чехословакию, прекратив тем самым её существование как независимого государства. Полгода спустя такая же участь постигла и саму Польшу. В разделе Чехословакии нашла свой интерес и идеологически близкая нацизму хортистская Венгрия. По договоренности с Гитлером, она захватила у соседа закарпатскую часть Чехословакии.

Однако ни Польша, ни тем более Венгрия не могли стать решающими звеньями в ликвидации Чехословакии. Эту роль взяла на себя Германия, которую поддерживала Италия, а Франция и Великобритания пошли на соглашение с фюрером, сочтя это меньшим злом, чем война. Фактически же мюнхенское миротворчество лишь отложило её начало, показав Гитлеру, что с Запада ему не угрожает какое-либо сопротивление.

Значение соглашения, подписанного в Мюнхене в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г., определяется и тем, что благодаря позиции англо-французов от решения важного на тот период вопроса европейской политики был искусственно отодвинут Советский Союз. В заявлениях ТАСС от 2 и 4 октября наша страна отмежеввалась от свершившегося в Мюнхене. Исторический антисоветизм и русофобия британцев и их конъюнктурное проявление у французов оказались для тогдашних лидеров Запада более важными аргументами, чем опасения дальнейших агрессивных шагов Гитлера. Для Советского Союза события осени 1938 г. подтвердили весьма малую вероятность нахождения совместимых позиций с теми, кто хотя бы теоретически мог оказать сопротивление гитлеризму. Тем самым нацисты укрепились во мнении, что и в дальнейшем они не встретят на своем пути объединенный фронт противников. Последующие события, вплоть до 22 июня 1941 г., подтвердили эту печальную констатацию.

Список литературы

- Безыменский Л.А. (1972) Особая папка «Барбаросса». АПН. Москва. С. 341.
Белые пятна – чёрные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. (2010) Пресс. Москва. С. 823.
Дипломатический словарь. (1950). Том 2. Госполитиздат. Москва.
История дипломатии. (1945) т III. Госполитиздат. Москва.
Майский И.М. (1987) Воспоминания советского дипломата. Международные отношения. Москва. С. 783.
Никонов В.А. (2014) Российская Матрица. Русское слово. Москва. С. 991.
Путин В.В. (2020) 75 Лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. 19 июня 2020 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527>. (дата обращения: 29.09.2020)
Черкасов Н.С. (2006) О германском фашизме и антифашистском сопротивлении. Томск. С. 421.
Швейцер В.Я. (2018) Австрия в геополитических планах СССР. *Современная Европа*. № 5. С. 142–149.

References

- Bezzyemenskij L.A. (1972) Osobaya papka "Barbarossa". APN. Moscow. 341 p.
Belye pyatna – chyornye pyatna. Slozhnye voprosy v rossijsko-pol'skih otnosheniyah. (2010) Press. Moscow. P. 823.
Cherkasov N.S. (2006) O germanskom fashizme i antifashistskom soprotivlenii. Tomsk. P. 421.
Diplomatičeskij slovar'. (1950) Tom 2. Gospolitizdat. Moscow.
Istoriya diplomatii. (1945) t III. Gospolitizdat. Moscow.
Majskij I.M. (1987) Vospominaniya sovetskogo diplomata. Mezhdunarodnye otnosheniya. Moscow. P. 783.
Nikonov V.N. (2014) Rossijskaya Matrica. Russkoe slovo. Moscow, Russia. P. 91.
Putin V.V. (2020) 75 Let Velikoj Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriej i budushchim. 19 iyunya 2020 URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 29.09.2020)
Shvejcer V. Ya. (2018) Avstriya v geopoliticheskikh planah SSSR. *Sovremennaya Evropa*. № 5. Pp. 142–149.
(2020) – 1938. Der "Anschluss" im internationalen context. Wien-Graz. P. 391.

USSR and Germany in the context of the events of the 1920s-1930s

Received 03.08.2020

Author: Shveitser V., Doctor of Sciences (History), Head of the Department for Social and Political Research of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** partsist@list.ru

Abstract. The article is dedicated to the Soviet-German relations of the 1920s-late 1930s. It explores the key issues that fit into the General context of the European situation of the interwar period. The most important normative acts of those years – the Treaty of Versailles, the Locarno and Rapallo agreements – are studied. The article analyses the core document of Hitlerism – Mein Kampf, its influence on the formation and development of foreign policy doctrines of Nazi Germany. The position of the Soviet Union towards the policy of the Weimar Republic before and after the national socialists rise to power in 1933 is evaluated. In response to the growing revanchist tendencies to solve the problems created by Versailles, the Soviet Union began to search for optimal options in order to create a collective security system in Europe. Special attention is paid to the initial stage of Hitler's aggressive course – the annexation of the Saarland, the militarization of the Rhineland, and the Anschluss of Austria. The appeasement policy of the leading European powers in these matters manifested clearly in the so-called Munich betrayal of September 1938, which opened the way for Hitler to implement his aggressive plans.

Keywords: USSR, Germany, Treaty of Versailles, Munich agreements, League of Nations.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020193203>